

Приведённые данные позволяют утверждать, что происходившие в стране бурные политические события в 1604–1613 гг. оказывали влияние на выбор имени ребёнка. То или иное имя ассоциировалось, прежде всего, с именами людей, находившихся у власти, и именами их оппонентов, претендовавших на царский престол. Это противостояние и запечатлелось в частотности употребления имён в Елецком уезде начала XVII в.

Борис Годунов, судя по всему, никогда не был популярен в южных уездах России. Имя Борис вообще не встречается в елецких источниках 1598–1604 гг. в то время как имя Дмитрий стремительно набирало популярность вместе с распространением слухов о якобы истинном наследнике престола Ивана Грозного. Уже в 1603 г. имя человека, которого официально объявили беглым холопом, чернокнижником и еретиком, продавшим душу дьяволу, стало одним из самых популярных среди елецких помещиков, а в 1604 г. вышло на первое место по частотности календарных имён. Таким образом, отречение ельчан в апреле 1604 г. от Бориса Годунова в пользу Дмитрия не было случайным. В 1606–1607 гг. самым популярным у елецких помещиков стало имя Василий, но уже в 1608 г., когда царь Василий Шуйский стал терять поддержку в народе, детей этим именем называть перестали. С 1607 г. наблюдается стремительный рост популярности имени Михаил. Это имя вновь стало самым популярным в 1612 г. в связи с избранием на царство Михаила Романова.

Антропонимический анализ позволяет нам понять симпатии и антипатии дворянства в событиях гражданской войны начала XVII в. Популярность деятелей эпохи Смуты в среде елецких помещиков является отражением общего отношения населения южнорусских уездов к событиям Смутного времени.

Приходские попечительства при православных церквях Российской империи в 1890-е годы: итоги 30-летней деятельности

Алексей Беглов

Кризисное состояние православного прихода в Российской империи стало очевидным уже в середине XIX в., в самом начале царствования Александра II, в ходе подготовки и реализации Великих реформ, призванных демонтировать социальную систему, основанную на сословной регламентации, и создать все-сословные институты, которые способствовали бы модернизации общественной и экономической жизни страны. Именно тогда была предпринята первая после 1808 г.¹ попытка преобразовать приходское устройство.

© 2014 г. А.Л. Беглов

¹ Об изданной тогда «Инструкции церковным старостам» см.: *Курляндский И.А.* Законодательство Российской империи и проблемы церковной благотворительности: (1700–1917 годы) // *Религии мира: История и современность.* 2004. М., 2004. С. 175–176; *Беглов А.Л.* Законодательство Российской империи о православном приходе к началу 1890-х гг.: (Обзор основных законодательных актов) // *Религии мира: История и современность.* 2006–2010. М.; СПб., 2012. С. 371–388.

При этом реформаторы заботились прежде всего об изменении статуса и материального положения православного духовенства империи, приход же рассматривался ими лишь как источник возможного повышения благосостояния священно- и церковнослужителей². В целом церковные преобразования 1860–1870-х гг. были направлены на раскрепощение духовного сословия и привлечение прихожан к более активной поддержке своих пастырей. Добиться этого предполагалось с помощью образования попечительств.

Их учреждению предшествовали попытки создания новых приходских институтов на окраинах империи. В 1859 г. по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьёва-Амурского, поддержанной архиепископом Камчатским Иннокентием (Вениаминовым), были разработаны Правила обеспечения духовенства в Амурской и Приморской областях. Они предусматривали устройство приходских советов, которые должны были взять на себя заботу о содержании причта, о благотворительной, просветительской и хозяйственной деятельности прихода, включая заведывание как церковным, так и собственно приходским имуществом. Составить их следовало из священнослужителей, церковных старост, сельских начальников (в сёлах) и выборных от прихожан. Предполагалось, что председательствовать в них на селе непременно будет священник, а в городе – избранное членами совета лицо. Проект этот получил одобрение Св. Синода и в декабре был утверждён императором. Однако фактически реализовать его на Дальнем Востоке не удалось. В 1867 г. владыка Иннокентий писал в Петербург, что приходский совет был открыт только в Благовещенске, но и там вскоре прекратил своё существование. Архиепископ объяснял это отсутствием постоянных жителей в городах (одни служащие по прошествии времени сменялись другими) и крайней бедностью сельского населения. Тем не менее данный проект и – что не менее важно – одобрение его Синодом оказали заметное влияние на дискуссии об организации прихода и в 1860-х гг., и впоследствии – вплоть до 1900-х гг.³

В 1861 г. правила об амурских и приморских приходских советах легли в основу проекта улучшения материального положения священнослужителей, составлявшегося в Комитете об устройстве духовенства западных епархий. Между тем в начале 1862 г. выяснилось, что приходские советы уже действуют в Юго-Западном крае и Новороссии – в селениях бывших пахотных солдат, переданных в 1857 г. из Военного министерства в удельное ведомство. Новое начальство решило возложить функции ктиторов, ранее исполнявшиеся офицерами, на приходские советы, воспользовавшись при их организации правилами для Амурской и Приморской областей. Примечательно, что советы были учреждены удельным ведомством без каких-либо консультаций с Синодом, который совершенно случайно узнал об их существовании в бывших военных

² По сравнению с иными попытками приходских реформ преобразования 1860-х гг., пожалуй, наиболее полно описаны в историографии. См.: *Руновский Н.* Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II Казань, 1898; *Панков А.* Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя. СПб., 1902; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 2. М., 1997. С. 79–81; *Freeze G.L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983; *Фёдоров В.А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период: 1700–1917. М., 2003; *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999; *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб., 2006.

³ Подробнее см.: *Римский С.В.* Указ. соч. С. 329–331, 359.

поселениях из донесений духовенства Киевской, Херсонской, Харьковской и Екатеринославской епархий. При этом советы оказались подотчётны не епархиальным, а светским властям – волостной расправе и окружному начальнику. Именно они взяли под свой контроль доходы и расходы приходских церквей, чем вызвали явное неудовольствие настоятелей. Епископы поддержали их, предложив передать ведение собственно церковного хозяйства клирикам. Кроме того, в своих замечаниях на «Правила о церковных советах в округах южных поселений» архиереи предлагали выработать «единые и полностью соответствующие церковному праву инструкции» для всех областей империи⁴. В итоге вопрос о приходских советах поступил на рассмотрение Главного присутствия по делам православного духовенства, начавшего свою деятельность в 1863 г. и находившегося под ощутимым влиянием светской бюрократии.

2 августа 1864 г. Александр II утвердил «Положение о приходских попечительствах при православных церквях»⁵. Попечительства образовывались из непременных членов (священнослужители прихода, церковный староста, а в сёлах также волостные старшины или головы) и лиц, избранных прихожанами на общем собрании. На него допускались домохозяева и те, кто, не владея в приходе домами, имел право участвовать в делах местного самоуправления или дворянского собрания. Они же выбирали председателя попечительства, а оно, со своей стороны, должно было ежегодно отчитываться перед общим собранием, которое могло избирать уполномоченных для проверки его деятельности. Собранные добровольные пожертвования, являвшиеся единственным источником его средств, попечительству разрешалось тратить лишь на нужды храма и причта, либо на благотворительную и просветительскую деятельность (устройство школы, больницы, богадельни, приюта, оказание помощи бедным, погребение неимущих и т.п.).

Однако изменить уровень благосостояния духовенства с помощью попечительств не удалось. Они оказались чуждым новообразованием, вызывавшим подозрение как у клириков, так и у большинства мирян, прежде всего крестьян. Священники опасались (отчасти обоснованно), что выборные председатели попечительств постараются оттеснить их от ведения церковно-приходского хозяйства. Сказывался также недостаток средств прихожан, особенно на селе, и разногласия среди них.

В результате даже по данным официальной статистики, склонной приукрашивать положение, число попечительств росло медленно (см. табл. 1). В 1860-х гг. они существовали только в $\frac{1}{5}$ части приходов, в 1870-х и начале 1880-х гг. – примерно в $\frac{1}{3}$ и лишь к концу 1890-х гг., через 30 лет после реформы, их число приблизилось к половине всех приходов Православной Российской Церкви. При этом современники подчёркивали, что значительная их часть имеется лишь на бумаге, тогда как реально действующих приходских попечительств гораздо меньше⁶. Некоторые из них, активно проработав один или два года, впадали в «спячку». Судя по отчётам обер-прокурора Св. Синода,

⁴ Там же. С. 331–333, 335–336.

⁵ ПСЗ-П. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. № 41144. См. также: *Римский С.В.* Указ. соч. С. 328–362; *Фёдоров В.А.* Указ. соч. С. 211–215; *Курляндский И.А.* Указ. соч. С. 178–180; *Прокофьев А.В.* Приходская реформа 1864 года и её влияние на самосознание приходского духовенства. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

⁶ См., например, сообщения преосвященных из Оренбургской, Самарской, Тамбовской и Тверской епархий: РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 108, 379, 560–571, 847 об.

**Численность приходских попечительств в Российской империи
в 1860–1890-х гг.**

Годы	Число православных приходов	Число приходских попечительств	В % от числа приходских церквей за предыдущий год
1867	29 460	н/д	
1868	31 757	5 327	18.1
1869	32 278	6 870	21.6
1870	31 259	6 965	21.6
В среднем в 1860-х			20.4
1871	32 063	8 244	26.4
1872	30 768	8 851	27.6
1873	31 936	9 257	30.1
1874	29 852	10 152	31.8
1875	30 772	10 755	36
1876	30 326	10 966	35.6
1877	28 997	11 317	37.3
1878	31 828	11 444	39.5
1879	32 253	11 616	36.5
1880	32 205	11 816	36.6
1881	31 355	12 140	37.7
1882	29 947	12 074	38.5
1883		11 713	39.1
В среднем в 1870-х – начале 1880-х			34.8
1895	36 726		
1896	36 962	16 235	44.2
1897	37 444	17 260	46.7
1898		17 826	47.6
В среднем в 1890-х			46.2

Подсчитано по: Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за [1867–1878 гг.] СПб., 1868–1879; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за [1879–1883 гг.] СПб., 1880–1885; Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за [1896 и 1897 гг., 1898 г.] СПб., 1899, 1901. При подсчёте приходских церквей в их число включаются также соборы, имевшие приходы, и единоверческие храмы.

в отдельные годы они сотнями официально прекращали свою деятельность. Так, к началу 1870 г. чиновники духовного ведомства недосчитались 868 попечительств, значившихся открытыми в предыдущем году, в 1876 г. – 118, в 1878 г. – 276, в 1882 г. – 298, в 1896 г. прямо говорилось о закрытии 286. Впрочем, за счёт вновь регистрировавшихся в 1870-х гг. в отчётах обер-прокурора фиксировался численный рост этих организаций. Однако уже в 1883 г. их оказалось на 427 меньше, чем в 1881 г. Следует учитывать также и то, что в 1875–1878 гг. доля попечительств возрастала на фоне заметного сокращения численности православных приходов империи: в 1877 г. она достигла минимума за десятилетие.

На протяжении всей их истории основное внимание попечительства уделяли не обеспечению священнослужителей, а украшению храмов: доля соответствующих затрат никогда не была меньше $\frac{3}{4}$ общего объёма пожертвований (см. табл. 2). Напротив, на нужды причта, даже по официальным сведениям, они направляли в среднем не более 5–7% своих сборов (в 1860-х гг. – 4.5%,

Структура пожертвований приходских попечительств в 1868–1897 гг.

Годы	Пожертвовано (в % от общей суммы пожертвований приходских попечительств)		
	На украшение и поддержание церкви	На школы и приходскую благотворительность	На содержание причтов
1868	77	19	4
1869	78	17	5
В среднем в 1868–1869	77.5	18	4.5
1870	83.9	11.7	4.4
1871	84.3	10.5	5.3
1872	78.2	12.4	9.4
1873	83.5	10.8	5.7
1874	86.6	8.8	4.6
1875	83.4	10.6	5.9
1876	82.2	11.2	6.6
1877	83.1	9.7	7.2
1878	82.6	9.8	7.6
1879	81.4	10.2	8.4
1880	81	10.4	8.6
1881	82	12.5	5.5
1882	81.4	10.2	8.4
1883	80.8	11.1	8.1
1888	81.3	11.5	7.2
В среднем в 1870–1883, 1888	82.4	10.8	6.8
1896	78.3	15.1	6.7
1897	78.4	14.2	7.5
1898	79.1	15.1	5.8
В среднем в 1896–1898	78.6	14.8	6.6

Подсчитано по: РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 10; Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1883 г. СПб., 1885. С. 117–121 (2-й пагинации); Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899. С. 58–61 (2-й пагинации), 58–61 (3-й пагинации); *Римский С.В.* Указ. соч. С. 361–362.

1870–1880-х – 6.8, 1890-х – 6.6%)⁷. Некоторый рост пожертвований на поддержку духовенства наметился во втором и третьем десятилетиях существования попечительств (в отдельные годы они достигали 8 и 9% от общей суммы), однако во второй половине 1890-х гг. расходы по этой статье вновь сократились, составляя менее 6%. Тем самым, главная задача, поставленная реформаторами в 1860-х гг., осталась не решена.

Сборы на благотворительные цели наиболее велики (около $\frac{1}{5}$ общего объёма) были в самом начале деятельности попечительств. Уже в 1870–1880-х гг. их размер уменьшился в среднем до $\frac{1}{10}$. Освободившиеся средства шли в первую очередь на содержание храмов (средний рост затрат составил примерно 5%) и причтов (средний рост – около 2%). Увеличение приходской благотворительности в последнее десятилетие XIX в. (примерно на 5% за счёт расходов

⁷ Интересно, что в Великом княжестве Финляндском пожертвования попечительств имели иную структуру. Так, в 1897 г. они выделили на благоустройство церкви 77.4% своих сборов, на благотворительные цели – 3.2%, на содержание причтов – 19.4%. На остальной территории империи сумма, предназначавшаяся для причта, никогда не достигала такого размера. См.: Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. С. 58–61 (2-я пагинация).

на благоустройство церквей), хотя и не достигшее уровня 1860-х гг., видимо, было связано с реакцией на голод 1891–1892 гг.

Такое распределение средств некоторые современники как светские, так и церковные нередко объясняли непросвещённостью прихожан и непониманием ими смысла христианской помощи бедным⁸. Однако далеко не всегда это было справедливо. Активная деятельность попечительств в период голода 1891–1892 гг. свидетельствует об обратном. С другой стороны, в нежелании жертвовать своим пастырям можно усмотреть признак нарастающего отчуждения между сословно замкнутым духовенством и его паствой. Впрочем, как отметила В.Ф. Шевцова, согласно представлениям большинства крестьян, поддерживавшимся и проповедниками, и массовой «душеполезной» литературой XIX в., жертва на храм имела особый религиозный смысл⁹. К тому же школы финансировались земством и казной, призрение «убогих» и сирот в традиционном обществе имело свою специфику, а священникам крестьяне регулярно платили за требы, что, при всей мизерности оплаты их труда, не располагало не особо богатых селян к дополнительным жертвам. Наконец, именно возведение и «благоукрашение» храма являлось для всех членов попечительства по-настоящему общим (и одновременно – глубоко личным) делом.

Как бы то ни было, к началу 1890-х гг. неудача приходских преобразований, предпринятых в 1860-х гг., признавалась и государством, и иерархами, и обществом¹⁰. В 1890–1893 гг. К.П. Победоносцев готовил новую реформу прихода¹¹, частью которой должно было стать и преобразование попечительств. Желая детально выяснить их состояние, Св. Синод 27 октября 1893 г. издал указ, предписывавший епископам представить свои мнения о необходимых изменениях в Положении 1864 г. Основная часть отзывов преосвященных поступила в Петербург в 1893–1895 гг., хотя некоторые приходили и в 1896–1897, и даже в 1903–1905 гг. (например, из Казани и Уфы¹²), иные вовсе не были присланы¹³. Очерчивая с разной степенью детализации положение попечи-

⁸ Шевцова В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. СПб., 2010. С. 117–118.

⁹ Там же. С. 112–119, 155.

¹⁰ Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996. С. 90–93.

¹¹ Там же; Белов А.Л. Приходская реформа по К.П. Победоносцеву // Quaestio Rossica. 2014. № 3(4) (в печати).

¹² В 1905 г. вопрос о преобразовании прихода стоял уже иначе и проблемы попечительств отошли далеко на задний план. Обширные и наверняка представляющие немалый интерес доклады благочинных Уфимской епархии, присланные в феврале 1905 г., в синодальной канцелярии так и не распечатали. Они хранятся в РГИА в прошитом пакете и под не сломанной сургучной печатью (РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 920–985 об.).

¹³ С явной апатией к пересмотру Положения 1864 г. относились не только архиереи, но и чиновники духовного ведомства. В 1898 г. К.П. Победоносцев поручил иркутскому епархиальному наблюдателю церковных школ А.А. Брызгалову, который был лично известен обер-прокурору, составить на основании полученных из епархий заключений записку с предложениями о дальнейшей судьбе попечительств. В июне 1898 г. синодальная канцелярия выслала необходимые материалы в иркутскую духовную консисторию, откуда в 1899 г. они были возвращены «без всякого заключения Брызгалову». В Петербурге ждали три года. В октябре 1902 г., отвечая на телеграфный запрос о судьбе его проекта, иркутский чиновник обнадёжил: «Записка о попечительствах составлена, представляю». Однако неизвестно, исполнил ли он своё обещание (РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 866, 871–872). Возможно, под влиянием опроса преосвященных, проведённого в 1893 г., появился проект изменения Положения о приходских попечительствах, присланный в Синод весной 1905 г. епископом Владимирским Никоном (Софийским). По словам владыки, он был «составлен на основании опыта всех преосвященных Русской Церкви за всё время существования церковно-приходских попечительств». Однако прямых указаний на связь данного документа с мнениями, высказанными преосвященными в 1890-х гг., нет. См.: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1. М., 2004. С. 275–281.

**Приходские попечительства некоторых епархий Православной Российской Церкви
в 1890–1900-х гг.**

Епархия (год составления отчёта)	Число приходов в епархии	Число приходов с открытыми попечительствами	% от общего числа приходов	Число членов попечительств (min / max / в среднем)
Владимирская (1897)	1 016	20	2	н/д
Воронежская (1895)	904*	61	6.7	–/–/28.3 (по 30 попечительствам)
Калужская (1894)	591*	60	10.2	4/61/17.1
Курская (1896)	987*	26	2.6	5/150/–
Московская (1895)	1 166*	66	5.7	н/д
Орловская(1895)	862*	186	21.6	4/30/–
Рязанская (1895)	872*	100	11.5	н/д
Тамбовская(1894)	1 078	740	68.7	2/80/–
Тверская (1895)	916*	164	17.9	н/д
Тульская(1894)	794*	98	12.3	н/д
По Центральной России	9 186	1 521	16.6	3.8 / 80.3 /22.7
Архангельская (1894)	302	144	47.7	н/д
Вятская (1895)	591	493	83.4	н/д
Костромская (1894)	1 006*	5	0.5	2/45/–
Санкт-Петербургская (1894)	303*	143	47.2	–/70/–
По Северу и северо- западу	2 202	785	35.7	2/57.5/–
Астраханская (1895)	171	124	72.5	1/25/–
Екатеринбургская (1895)	398	192	48.2	н/д
Казанская (1905)	636	579	91	н/д
Нижегородская (1894)	876*	88	10.1	3/20/–
Оренбургская (1895)	522	319	61.1	–/–/6.7
Пензенская (1895)	715*	141	19.7	н/д
Саратовская (1895)	720	528*	73.3	2/155/–
Симбирская (1894)	627*	191	30.5	н/д
Уфимская (1905)	410	334	81.5	н/д
По Поволжью и Уралу	5 075	2 496	49.2	2.5/87.5/–
Забайкальская (1895)	171*	86	50.3	2/9/3.1
Енисейская (1895)	197*	7	3.6	н/д
Иркутская (1895)	153	73	47.7	3/5/–
Тобольская (1895)	444	144	32.4	2/5/–
Туркестанская (1895)	61*	4	6.6	н/д
По Сибири и Средней Азии	1 026	314	30.6	3/6.3/–
Киевская (1895)	1 284	344	26.8	6/50/–
Подольская	1 523	1 244	81.7	6/20/–
Полтавская (1894)	1 058	234	22.1	–/–/26.7
Харьковская (1895)	761*	150	19.7	1/50/–
По Малороссии и Слободской Украине	4 626	1 972	42.6	4.3 / 40 /–
Екатеринославская (1895)	467	234	50.1	н/д

Таблица 3 (окончание)

Епархия (год составления отчёта)	Число приходов в епархии	Число приходов с открытыми попечительствами	% от общего числа приходов	Число членов попечительств (min / max / в среднем)
Донская (1894)	481	262	54.5	3/214/5.3
Таврическая (1904)	305*	46	15.1	5/30/–
Херсонская (1896)	570	475	83.3	10/150/–
По Новороссии	1 823	1 017	55.8	6/131.3/–
Литовская (1895)	500	479	95.8	н/д
Холмско-Варшавская (1895)	417	353 (36 попечительств и 317 братств)	84.7 (8.6 попечительств, 76.0 братств)	4/ 87/33.6 попечительств 5/3988/141.2 братств
Рижская (1894)	186	165	88.7	3/20/–
Могилевская (1894)	495	489	98.8	н/д
По западным епархиям	1 598	1 169 / 1 486 (с братствами)	73.2 / 93.0 (с братствами)	3.5/97/– 4 /1365 / – (с братствами)

Подсчитано по: РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292; Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899. С. 7–9 (2-й пагинации), 7–9 (3-й пагинации). В случае расхождения данных предпочтение отдавалось архивному документу.

* Данные, заимствованные из отчёта обер-прокурора и включающие соборы, собственно приходские и единовременные церкви.

тельств в своих епархиях, архиереи, как правило, основывались на сообщениях благочинных и порою даже дословно их воспроизводили. Кроме того, они излагали собственные предложения, а иногда и рекомендации консисторий и епархиального духовенства (чаще всего – тех же благочинных), касавшиеся способов реформирования попечительств и отражавшие отношение российского епископата к возможным приходским преобразованиям в 1890-х гг. Собранные материалы отложились в обширном «Деле о пересмотре положения о приходских попечительствах»¹⁴, состоящем из двух томов (со сквозной нумерацией), насчитывающих более тысячи листов¹⁵. Содержащиеся в нём сведения (обобщённые в табл. 3) полностью унифицировать невозможно, и их приходится дополнять по отчётам обер-прокурора. При этом в самих отзывах отмечалась условность статистических выкладок, характеризующих деятельность приходских попечительств.

В каком же состоянии находились попечительства в начале 1890-х гг.? Прежде всего, нельзя не заметить, что их численность сильно различалась по епархиям (см. табл. 3): доля приходов, в которых они были, колебалась от 2% до 80–90%. Причём такое же разнообразие могло наблюдаться и в пределах одной епархии. В некоторых уездах вовсе не имелось попечительств, а в других они насчитывались десятками. Так, например, обстояло дело в Орловской епархии, где в Ливенском уезде их действовало 30, в Болховском – одно, а в Дмитровском – ни одного (при 55 приходах)¹⁶. Причины этого выявить довольно сложно.

¹⁴ РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292.

¹⁵ Материалы этого дела лишь частично использовались исследователями: Freeze G.L. All Power to the Parish? The Problems and Politics of Church Reform in Late Imperial Russia // Social Identities in Revolutionary Russia / Ed. by Madhavan K. Palat. Palgrave Macmillan (UK), 2001. P. 174–208; Курляндский И.А. Указ. соч. С. 180–181.

¹⁶ РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 601–605.

Благочинные и чиновники консисторий различных епархий (Архангельской и Таврической, Смоленской и Иркутской, Калужской и Уфимской, Оренбургской и Тверской, Владимирской и Донской, Нижегородской и Курской, Орловской и Симбирской, Саратовской и Рязанской), объясняя малочисленность попечительств, приводили совершенно однотипные доводы – ссылались на бедность и «неразвитость» своих прихожан, влияние старообрядцев-односельчан или штундистов и т.п.¹⁷

Характерно, что меньше всего попечительств было в епархиях Центральной России – только в 17% приходов. На севере и северо-западе Европейской части России (включая и столичную Санкт-Петербургскую епархию), а также в Сибири и в Средней Азии они действовали примерно в трети или чуть больше приходов. В Поволжье, на Урале и в Новороссийских губерниях попечительства были образованы почти в половине приходов, в Малороссии – в чуть более 40%. И, наконец, они существовали более чем в 70% приходов западных епархий (в том числе в Прибалтике и Царстве Польском). Таким образом, их активность отчётливо усиливалась от центра к окраинам Европейской части Российской империи, особенно в южном и западном направлении. Причём эта тенденция действовала и внутри регионов. Видимо, в богатых южных епархиях зажиточные прихожане больше и чаще жертвовали в пользу попечительств. Кроме того, в малороссийских и западных епархиях сказывались традиции приходских братств, хотя они и не играли решающей роли.

Однако опыт попечительства многочисленного бедного прихода села Дошчатый Завод Владимирской епархии явно опровергал, как отмечалось в отчёте, «отзывы тех священников, которые причины неоткрытия попечительств в своих приходах объясняют бедностью прихожан, отхожим промыслом, духом раскола». Прихожане кормились там благодаря заработкам на заводе и отходничеству (до трети «лучших прихожан живут в чужой стороне и не бывают на родине десятки лет»). Причём значительную часть жителей прихода составляли раскольники «разных толков и люди, холодные к церкви». Между тем деятельность попечительства давала здесь заметные результаты: среди отходников были собраны деньги на храм и библиотеку, создан резерв в виде неприкосновенного капитала¹⁸.

Очевидно, успех попечительства во многом зависел от личности и деловых качеств приходского священника. «Энергичный священник открывает попечительство при самых скудных средствах, – говорилось в отчёте Санкт-Петербургского преосвященного, – не особенно быстро развивается это попечительство, но всё же живёт и действует; но вот этот энергичный священник ушёл из прихода, место его занял другой – и попечительство начинает существовать только на бумаге; при появлении же в приходе нового энергичного пастыря оно возрождается и опять вступает в действительную жизнь. Эта история очень нередко повторяется на страницах отчётов о попечительствах»¹⁹.

Неудивительно, что в начале 1890-х гг., несмотря на почти 30-летний срок действия Положения 1864 г., большинство попечительств были организованы молодыми (см. табл. 4): в некоторых епархиях до половины их были не старше 3–5 лет. Составители ряда отчётов прямо указывали, что созданные

¹⁷ Там же, л. 48 об., 50 об., 54 об., 59 об., 101а, 138 об.–152, 355, 374, 485–487, 509–510, 554–555, 561, 601–605, 809–819, 841 об., 888, 915–917.

¹⁸ Там же, л. 843–843 об.

¹⁹ Там же, л. 225 об.

**Динамика открытия приходских попечительств в Калужской, Смоленской
и Холмско-Варшавской епархиях**

Годы	Епархии	Калужская			Смоленская			Холмско-Варшавская		
		Открытые попечительства	% от общего числа	В среднем в год	Открытые попечительства	% от общего числа	В среднем в год	Открытые попечительства	% от общего числа	В среднем в год
1864			5	0.4	1	5.5	1.1		22.2	1.1
1865					2					
1866					1					
1867	1				1			2		
1868	1				1			4		
1869								1		
1870	1				2			1		
1871			5	0.3	2	6.2	0.8		22.2	0.8
1872					1			3		
1873					1			2		
1874					2					
1875					1					
1876										
1877					1			2		
1878								1		
1879	2									
1880	1									
1881			10	0.6	1	8.9	1.3		11.1	0.4
1882					1					
1883	1				1					
1884					3			1		
1885					2			1		
1886					1					
1887					1					
1888	1							2		
1889	1				2					
1890	3				1					
1891	10		48.3	5.8	10	19.9	5.8	4	44.4	3.2
1892	10				7			2		
1893	7				8			1		
1894	2				4			3		
1895								6		
Даты открытия не указаны	19				88					
Всего	60	100			146	100		36	100	

Подсчитано по: РГИА, ф. 796, оп. 174, л. 1292. В отчётах преосвященных учитывались только попечительства, существовавшие на момент их составления, т.е. к началу 1890-х гг.

в 1860–1870-х гг. попечительства продержались «не более двух трёхлетий». Правда, некоторые из них, прекратив свою деятельность, по прошествии времени открывались вновь²⁰. Тем не менее работа значительной их части носила временный, «окказиональный» характер, будучи связана, например, с необходимостью строительства или ремонта храма и т.п.

²⁰ Там же, л. 139. Ср.: Там же, л. 150 об.–151, 225 об.

Распределение приходских попечительств по типам поселений

Епархии	Городские попечительства	% от общего числа	Сельские попечительства	% от общего числа
Архангельская	12	8.3	132	91.7
Казанская	58	10	521	90
Калужская	4	6.7	56	93.3
Костромская	–	–	5	100
Московская	56	84.9	10	15.1
Оренбургская	17	5.3	302	94.7
Смоленская	4	2.6	148	97.4
Всего	151	11.4	1 174	88.6

Подсчитано по: РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292.

В большинстве епархий не менее 90% от общего числа попечительств действовали при сельских приходах (см. табл. 5). На это особо обращали внимание в своих отзывах смоленский, екатеринославский и орловский архиереи²¹. Исключение составляла Московская епархия, где именно в самой Москве (но не в уездных городах) концентрировались 85% приходских попечительств. Такая особенность объяснялась, скорее всего, повышенным вниманием к ним со стороны московского дворянства и купечества, не скупившихся на пожертвования²².

Доля священников среди председателей попечительств колебалась от 20 до почти 100% (табл. 6). В среднем в тех 11 епархиях, из отчётов которых можно извлечь об этом точные сведения, она составляла 49.4%. Ещё в восьми епархиях (Воронежской, Иркутской, Киевской, Минской, Московской, Подольской, Таврической, Херсонской) составители отчётов, не приводя общих цифр, указывали, что председатели попечительств – это «в основном» или «в большинстве» приходские священники, особенно в сёлах. Минский преосвященный писал, что «почти во всех сельских приходах» председатели – священники, а херсонский приводил данные по одному из благочиний своей епархии, в котором существовало 19 попечительств и в 11 из них председательствовали священники (57.9%)²³. В отзывах, поступивших из Орловской и Литовской епархий, отмечалось, что председательские должности занимают преимущественно «землевладельцы и священники» или «в основном священники», а в городах – «интеллигенты»²⁴.

Сложнее выяснить социальный состав председателей-мирян. В большинстве отчётов эта группа вообще не дифференцируется, а в тех немногих, где о ней говорится подробнее, зачастую смешиваются сословная принадлежность, занимаемая должность и проч. Так, в одном из отчётов часть председателей обозначена как «дворяне», а другие – как «церковные старосты». Тем не менее в основном председателями становились, помимо духовных лиц, либо дворяне-землевладельцы и «вообще состоятельные интеллигентные прихожане», либо крестьяне и представители близких им сословий (например, казаки). Скорее

²¹ Там же, л. 151 об.–152, 390–390 об., 601–605.

²² Там же, л. 994–1014.

²³ Там же, л. 64 об., 413–414 об., 460, 482–484, 552–553 об., 596–600, 792–808 об., 887–888.

²⁴ Там же, л. 601–608 об.

Состав председателей приходских попечительств в 1890–1900-х гг.

Епархии	Всего попечительств	Председатели (% от общего числа попечительств)		
		Священники	Псаломщики	Прихожане
Архангельская	144	59 (41)		85 (59)
Астраханская	124	27 (21.8)	1 (0.8)	96 (77.4)
Владимирская	20	14 (70)		6 (30)
Донская	262	100 (38.2)		162 (61.8)
Забайкальская	86	4 (4.7)		82 (95.3)
Казанская	721	419 (58.1)		302 (41.9)
Оренбургская	319	309 (96.9)		10 (3.1)
Петербургская	143	65 (45.5)		78 (54.5)
Тамбовская	740	264 (35.7)		476 (64.3)
Туркестанская	4	4 (100)		

Подсчитано по: РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 98–99 об., 113 об., 215 об., 354, 375, 546–549 об., 773–782 об., 841, 989–993 об.

всего, в большинстве своём это были люди, являвшиеся церковными старостами. Во всяком случае, в отчёте по Санкт-Петербургской епархии на это указывалось прямо. Между тем миряне, занимавшие данную должность, были поставлены действовавшим законодательством в довольно жёсткие рамки: от них требовались, прежде всего, способности хороших исполнителей, находящихся в тесном контакте с причтом. Помещики же и «состоятельные интеллигентные прихожане» заведомо были людьми независимыми и самостоятельными, менее всего подходившими на роль послушных выразителей воли причта. Очень часто они оказывались неудобными председателями. Священники и епархиальные власти ждали от них подвоха и регулярно обвиняли их в превышении полномочий или, наоборот, в бездействии²⁵.

От рядовых членов попечительств духовенство не ожидало особого усердия и пользы. Из нескольких епархий сообщали в Синод, что их деятельность воспринимается как лишняя служба, не освобождающая к тому же от несения должностей по крестьянскому самоуправлению. При этом исполнение других «мирских» обязанностей оплачивалось обществом или сложением повинностей, или деньгами, тогда как членство в попечительстве оплаты не предполагало, и в него часто избирались люди, «не соответствующие призванию». В результате, как писал один из преосвященных, в зажиточных приходах в попечительства выбирали богатых «для славы их», а в бедных – тех, кому не желали поручить что-либо ещё. Подобные случаи отмечались в Астраханской, Воронежской и Тобольской епархиях²⁶. В первом случае члены попечительства могли иметь собственные представления о направлении его деятельности, а это было чревато столкновением с приходским священником. Во втором – они оказывались слишком зависимы от «мира» и вряд ли были готовы проявлять сколько-нибудь заметную активность.

Насколько крупными организациями были приходские попечительства? Число их членов варьировалось очень сильно: от двух–трёх до нескольких десятков и даже сотен человек. Такие организации, включавшие 150–200 и более

²⁵ См., например: Там же, л. 145–145 об., 152, 425 об.–426, 592, 776–777, 842 об.

²⁶ Там же, л. 428 об.–430, 467, 776.

верующих, существовали в Курской, Саратовской, Донской, Херсонской епархиях. Однако они всегда были исключениями, а среднее число членов большинства попечительств редко выходило за пределы одного–двух десятков. При этом, как показывают данные по Холмско-Варшавской епархии, оно никак не соотносилось с численностью прихожан: в небольшом приходе могло действовать крупное попечительство и наоборот²⁷.

Оценивая труды попечительств, в Донской епархии констатировали, что «почти исключительный» предмет их забот – это ремонт и украшение храмов, снабжение их утварью, тогда как, отмечали составители отчёта, «к церковно-приходским школам с участием отнеслись не более двух–трёх попечительств, при том в самом скромном размере, а в устройстве помещений для причта приняло участие только одно попечительство» из более чем двухсот. В Екатеринбургской епархии расходами на храм «заявляли себя» почти все попечительства, а благотворительностью занимались около 30 (15.6%). Сходным образом характеризовал ситуацию астраханский преосвященный, писавший, что в его епархии у попечительств нет никаких благотворительных заведений, а на причты они почти «не обращают внимания»: даже когда епархиальное начальство не платило клирикам положенное жалование, деньги для них собирали только в двух приходах²⁸.

Конечно, имелись и счастливые исключения, на которые именно в силу их редкости всегда обращали внимание составители отчётов. Так, отличительной чертой приходских попечительств Московской епархии (большинство которых находилось в самой Москве) была их благотворительная деятельность, активно поощрявшаяся городскими властями. Основные расходы здесь шли на помощь бедным, церковно-приходские школы, богадельни. Впрочем, должной «заботы о причтах», по мнению архиерея, не проявлялось и в первопрестольной²⁹.

В Смоленской епархии некоторые попечительства, не забывая о храмах, строили и содержали дома для школ, поддерживали учителей, устраивали «хлебный магазин» для деревень своего прихода. Одно из них собирало средства «на здание для неимущих старцев», другое – «на устройство лавок для ярмарки» (видимо, предполагалось, что церковь будет иметь с них доход), третье выделило землю для причта, хотя существовало исключительно благодаря энергии священника, а его члены даже редко ходили на собрания. Обычно же, утверждалось в отчёте, «на нужды причтов попечительства ничего не жертвуют»³⁰.

В отчёте, поступившем из Оренбургской епархии, в качестве «особого» рода деятельности попечительств рассматривались выплата жалования причту и покупка дома для священника. В Харьковской епархии попечительство, образованное в 1887 г. в слободе Трёхизбянск Старобельского уезда, построило

²⁷ Там же, л. 686–706, 708–771.

²⁸ Там же, л. 100, 593, 775.

²⁹ Там же, л. 482–484. Московская епархия была одной из немногих, где структура пожертвованных приходских попечительств кардинально отличалась от общероссийской. В 1896 г. на храмы здесь жертвовали 1% от общей суммы сборов, а на школы и благотворительные учреждения 99%. См.: Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 годы. С. 58–59 (2-й пагинации). Подробнее о приходских попечительствах Москвы см.: *Панкрат Т.В.* Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы (вторая половина XIX – начало XX столетия). М., 2011.

³⁰ РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 143, 144 об., 146 об., 148 об., 150.

школу и библиотеку, выпускало собственные издания. Один из членов попечительства при храме Преображения в Харькове ежегодно доставлял священнику вагон каменного угля для бесплатной раздачи бедным³¹.

Отдельные попечительства в разных епархиях прибегали к выдаче ссуд. Священник села Городкович Спасского уезда Рязанской губернии ещё в 1860-х гг. организовал ссудно-вспомогательную кассу при попечительстве и из её средств помогал нуждающимся прихожанам. Подобные кассы существовали тогда при содействии Виленского Свято-Духовского братства и в Литовской епархии. С 1880-х гг. такая касса действовала при Виленском попечительстве Радомысльского уезда Киевской губ. Проценты, выплачивавшиеся заёмщиками, шли на пополнение кассы и были на порядок ниже тех, под которые давали займы своим односельчанам местные зажиточные крестьяне. В 1890-х гг. такие учреждения, предоставлявшие терпевшим нужду небольшие суммы под низкие проценты, существовали и при двух приходах Херсонской епархии. В некоторых случаях это являлось способом хранения свободных денег, но иногда занявшиеся ссудными операциями терпели убытки. Так, одно из попечительств Ананьевского уезда Херсонской епархии раздало под проценты своим прихожанам 14 тыс. руб., когда же оно начало строить церковь, то смогло вернуть менее половины (6 тыс.)³². В Смоленской епархии одно попечительство давало деньги бедным без процента и «иногда без возврата». Хотя фактически такая приходская деятельность была незаконна, она встречала сочувствие со стороны епархиальных властей и иногда освещалась в центральной церковной прессе³³.

Некоторые попечительства шли ещё дальше, выходя за пределы тех чисто хозяйственных задач, которые ставились перед ними в Положении 1864 г., и включаясь в религиозное и нравственное воспитание прихожан. Так, два приходских попечительства Киевской епархии, обеспечивая потребности храма, «сверх того» заботились о поднятии нравственности и особенно «об искоренении дурных привычек молодёжи», а ещё десять содействовали распространению трезвости. «Нравственно-просветительские цели» (искоренение в приходе пьянства, сквернословия и т.п.) преследовали и некоторые попечительства Екатеринбургской епархии. В частности, в двух из них провинившихся штрафовали, в одном – выписывались дешёвые листки и брошюры для раздачи местным жителям, ещё два открыли общества трезвости и народные читальни. Книги, брошюры, листки религиозно-нравственного содержания распространялись и попечительствами Калужской епархии. В Казанской епархии отдельные попечительства добились закрытия питейных заведений в своих приходах, следили за почитанием прихожанами праздничных дней и даже штрафовали работавших по праздникам; их члены являлись также распорядителями при крестных ходах. Минский преосвященный писал, что члены попечительств его епархии поддерживают чистоту и опрятность в своих приходах, выполняют разного рода церковные поручения, прислуживают на общественных молебнах, более того, каждый из них имеет в своём ведении одну–две деревни прихода, «наблюдая за благоповедением своих односельчан, соблюдением ими праздников и постов». Такие приходские попечительства сильно напоминали старые братства Речи Посполитой. Не случайно ряд преосвященных, особенно в малороссийских

³¹ Там же, л. 378 об., 419, 423.

³² Там же, л. 792–808 об.

³³ Там же, л. 821, 829 об.–831 об., 792–808 об., 143.

и западных епархиях, предлагали узаконить подобное расширение сферы их деятельности³⁴.

При этом во многих отчётах с мест отмечалось, что приходские попечительства возникали преимущественно для решения конкретных задач – постройки, ремонта или украшения храмов, покупки ризницы и утвари и проч. «Получается нередко, – писал симбирский преосвященный, – что попечительства, возникающие по поводу этих обстоятельств, имеют только временное значение: представляется надобность в построении храма или же капитальном ремонте одного, требующих значительных материальных средств, прихожанами при таких случаях открывается попечительство, а затем, как только через это достигнута будет цель вполне, попечительства иногда заканчивают свою деятельность и прекращают своё существование»³⁵. Как полагал воронежский архиерей, «гораздо успешнее деятельность попечительств обнаруживалась там, где они учреждались со специальными временными целями, напр[имер], для сооружения в приходе нового храма, для постройки школы, для помощи голодающему населению и т.п.»³⁶ Временный характер целей этих организаций являлся, пожалуй, самой существенной их особенностью. После достижения поставленной цели они, как правило, прекращали свою деятельность или «замирали», и, наоборот, там, где попечительства «обнаруживали живучесть», они действовали «сверхзаконно», выступая в роли защитников нравственности, или приобретали черты благотворительных организаций³⁷. В 1904 г. правящий архиерей Таврической епархии указывал, что «самые крупные пожертвования собирают попечительства, открывающиеся специально для построения приходских храмов», «но обыкновенно такие попечительства недолговечны». Те же, что существуют постоянно, как правило, занимаются благотворительностью в широком смысле – содержат богадельни, школы и т.д.³⁸

Заметным поводом для активизации или даже для создания приходских попечительств стал голод 1891–1892 гг. По словам оренбургского архиерея, большая часть попечительств в его епархии начала действовать только в голодные годы, устроив, в частности, раздачу хлеба, закупленного на собранные деньги, и организовав бесплатные столовые, где бедных кормили с февраля по май, т.е. в самые тяжёлые месяцы. В столовой, открытой одним из них, ежедневно питались от 150 до 200 человек. Вместе с тем, по свидетельству преосвященного, бóльшая часть попечительств Оренбургской епархии, «проявив усиленную деятельность в помощи голодающим», затем прекратила «всякую деятельность» и на момент составления отчёта существовала лишь номинально³⁹. Закупка хлеба и доставка его в голодающие селения осуществлялась попечительствами Харьковской, Воронежской, Казанской епархий. В 1892 г. некоторые попечительства Симбирской епархии оказывали помощь пострадавшим во время эпидемии холеры, ставшей следствием голода⁴⁰.

³⁴ Там же, л. 413–414, 594 об., 41, 42 об., 992 об.–993, 596–600.

³⁵ Там же, л. 60.

³⁶ Там же, л. 474.

³⁷ Там же, л. 474, 355 об., 356 об.

³⁸ Там же, л. 887 об.–888.

³⁹ Там же, л. 373 об., 378 об., 379.

⁴⁰ Там же, л. 419, 463, 467, 992–992 об., 60 об.

К подобным мерам приходилось прибегать и во второй половине десятилетия. Так, когда в 1896–1897 гг. неурожаем и голод повторились в Пермской губ., местные приходские попечительства раздавали хлеб в весенние месяцы, для чего собирали средства даже в столицах. Член попечительства с. Юсьвы Соликамского уезда П. Вилесов просил единовременного пособия на эти цели у обер-прокурора Св. Синода⁴¹.

В начале 1890-х гг. наметился рост численности попечительств. Однако некоторые из них, напротив, снизили тогда свою активность. Голод наносил ощутимый удар по благосостоянию крестьян, что отражалось на доходах попечительств и, соответственно, вело к их «замиранию». На это указывали преосвященные Симбирской, Донской и Казанской епархий. Первый из них прямо писал, что бездействие ряда попечительств его епархии «есть ни что иное, как последствие прошлогодних неурожаев, неблагоприятно отразившихся на экономическом положении крестьян»⁴².

Стабильность деятельности попечительств естественно зависела от наличия в их распоряжении постоянного дохода. Согласно ст. 6 Положения 1864 г., главным источником их средств являлись пожертвования прихожан, собиравшиеся в специальную кружку, по подписке или вносившиеся в сборную книгу, а также единовременные или регулярные сборы, обязательные для тех, кто изъявил согласие в них участвовать. При этом в храмах устанавливалось до трёх «попечительских» кружек (по одной на каждую из трёх основных их целей). Иногда их проносили по рядам молящихся во время богослужения (но только после собственно «церковной» кружки), а также носили по домам прихожан во время праздничных обходов прихода священником.

На деле доходы попечительств отличались большим разнообразием, хотя пожертвования – частные или коллективные – безусловно лидировали по распространённости и значимости среди других поступлений. Между тем рассчитывать на них было трудно. Как отмечал в своём отзыве самарский преосвященный, «мало достигает цели устройство и постановка кружек и при том со своими специальностями: а) в пользу церкви, б) в пользу причта, в) в пользу благотворительных учреждений. Если и в губернском городе при вскрытии специальных кружек случается высыпать из них переломленные старинные пятаки, гривны, заржавленные денежки и т.п.; то в сёлах и деревнях это тем более возможно; или же кружки совершенно пусты»⁴³. Ношение попечительских кружек по домам оказалось «крайне бедно результатами», а определённый сбор с прихожан деньгами или хлебом, как правило, вызывал ропот, недовольство и даже противодействие. Сборные же книжки выдавались епархиальным начальством только на строительство (например, церкви)⁴⁴. В отзыве из Санкт-Петербургской епархии признавали, что хотя кружечный сбор сам по себе весьма незначителен, но в бедных сельских приходах он нередко является единственным источником попечительских средств⁴⁵.

Целевые и ежегодные сборы могли делаться как деньгами, так и натурой (хлебом, «продуктами промыслов» и даже скотом)⁴⁶. При этом практиковались

⁴¹ Там же, ф. 1574, оп. 2, д. 263, л. 22–24 об.

⁴² Там же, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 60 об., 101а, 989–991.

⁴³ Там же, л. 851.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, л. 221 об.

⁴⁶ Там же, л. 139, 194 об., 221–222 об., 354 об., 376 и др.

как подушное «самообложение», как часто выражались современники (наверное, самая распространённая форма сборов), так и сборы с земли (к примеру, в Харьковской епархии собирали по 2 коп. с десятины) или с хозяина (по числу работников). В Екатеринбургской епархии жертвовали определённый процент с жалования служащих в городских конторах, а также с каждого рубля, заработанного мастерами на заводах или на золотых приисках⁴⁷. В некоторых попечительствах Архангельской и Оренбургской епархий в сборах участвовали не все прихожане, а только сами члены попечительства, выплачивавшие соответствующие взносы⁴⁸. Известно и несколько случаев, когда некую сумму в пользу попечительства должно было уплатить лицо, выбранное крестьянским миром на ту или иную должность⁴⁹. В Архангельске в одном из приходо-в по праздникам устраивался «сбор с торговцев на площади» (видимо, перед церковью)⁵⁰.

Самым желанным и порой решающим для судьбы попечительства источником доходов являлись щедрые пожертвования одного или нескольких состоятельных прихожан. Они могли на долгие годы обеспечить устойчивое положение приходской организации, но одновременно ставили её в зависимость от вкусов и коммерческого успеха жертвователей. Так, в Забайкальской епархии во главе Нерчинского приходского попечительства в 1865–1890 гг. стоял, по словам местного архиерея, «известный богач» М.Д. Бутин, пользовавшийся «замечательным авторитетом» среди жителей. Увеличив за это время попечительский капитал до 19 206 руб., он делал значительные расходы. Но когда его дела «пошатнулись», Бутин уехал в Москву, и «попечительство пало». Сумма, оставшаяся в его распоряжении, была передана в городскую думу, которая построила на эти деньги двухэтажную каменную больницу⁵¹. Однако такими благотворителями среди своих членов могли похвастаться далеко не все приходы. В Самарской епархии, по словам преосвященного, лишь два-три попечительства могли рассчитывать на получение «крупных капиталов от отдельных прихожан». Между тем только возможность пользоваться таким «благоприятным внешним условием» обеспечивала их жизнеспособность. Остальные же, по сведениям благочинных, существовали исключительно номинально⁵². Санкт-Петербургский митрополит также писал, что частная благотворительность «едва ли не самый обильный источник попечительских средств», и «только благодаря ей могут образоваться такие внушительные суммы, какими располагает, напр[имер], Фарфоровское попечительство». Но поскольку подобный доход зависел всецело от количества состоятельных прихожан, владыке пришлось признать, «что в сельских приходах он почти не существует»⁵³.

Пожертвования частных благотворителей могли использоваться для образования «неприкосновенного капитала», проценты с которого расходовались для решения текущих задач, как это делалось попечительствами в Санкт-Петербургской и Тульской епархиях, а также в одном из архангельских приходо-в⁵⁴.

⁴⁷ Там же, л. 418, 590–591 об.

⁴⁸ Там же, л. 221–222 об., 354 об., 376.

⁴⁹ Там же, л. 354 об.

⁵⁰ Там же, л. 354 об.

⁵¹ Там же, л. 546–546 об.

⁵² Там же, л. 847 об.–848.

⁵³ Там же, л. 221 об.–222.

⁵⁴ Там же, л. 221, 354 об., 194 об.

Вообще же свободных денег, т.е. не собранных специально для реализации какого-то проекта, как правило, было мало. Так, из Смоленской епархии сообщали, что попечительства располагают суммами в 35, 150, 350 руб. и только у одного имелось 900 руб.⁵⁵

Наверное, наибольшую стабильность деятельности попечительства обеспечивала передача в его распоряжение различных доходных статей – лавок, домов, земель, покосов и т.п.⁵⁶ Так делалось в Санкт-Петербургской, Архангельской, Владимирской, Калужской, Смоленской, Оренбургской, Тобольской, Харьковской и особенно в более зажиточных южных епархиях (Полтавской, Екатеринославской, Киевской, Подольской, Херсонской и др.). Например, многолетнее существование (с 1867 г.) приходского попечительства в селе Запажье Малоярославецкого уезда Калужской губернии было обеспечено наличием у него сарая для кирпича, который сдавался в аренду за 100 руб. в год (эти деньги передавались затем в строительный комитет по перестройке запажского храма)⁵⁷. Одно из попечительств в Смоленской епархии пользовалось доходом от кирпичного завода⁵⁸. В Полтавской епархии попечительства располагали средствами, полученными от шести кирпичных заводов, двух лавок, аренды 25 домов и 314 десятин земли⁵⁹. В Херсонской епархии – от усадеб, «занимаемых разночинцами»⁶⁰. В Екатеринославской губ. арендные статьи предоставлялись попечительствам время от времени, обычно при сооружении церквей⁶¹. Одной из церквей Владимирской епархии «издавна» принадлежала водяная мельница, которой заведовал староста храма. Когда он «лишился доверия», в приходе «пошли распри», после чего священник убедил прихожан открыть попечительство и передать мельницу ему. Это дало «самые лучшие результаты» и позволило в течение 25 лет содержать церковь, училище и сторожку, израсходовав более 10 тыс. руб. Как отмечали составители отчёта, в этом селе в суждениях «о более важных предметах» участвовали все прихожане, «которые тем очень довольны»⁶².

В отчётах из Саратовской и Подольской епархий упоминалось, что иногда попечительства могли сдавать в аренду питейные заведения и рассчитывать на проценты от продажи питей. И если саратовский преосвященный писал о данной практике с явным осуждением, то подольский владыка не видел в ней ничего зазорного и полагал, что это единственно возможный способ пополнить попечительскую казну. Он констатировал, что от питей попечительства получают самый большой доход, и, лишившись его, едва ли продолжают существование⁶³.

В хлебоборных губерниях юга, Поволжья и Сибири существенную роль в обеспечении попечительств играли поступления от продажи хлеба, выращенного на предоставленной им земле. Из Симбирской епархии сообщали: «Главными источниками для образования попечительских капиталов служат посев хлеба на земле, жертвуемой частными лицами, как например, землевладельца-

⁵⁵ Там же, л. 143 об.

⁵⁶ Там же, л. 221–222 об., 354 об., 376 об., 413, 418, 430 об., 792–808 об.

⁵⁷ Там же, л. 41 об.

⁵⁸ Там же, л. 143 об.

⁵⁹ Там же, л. 265 об.

⁶⁰ Там же, л. 792–808 об.

⁶¹ Там же, л. 390.

⁶² Там же, л. 843.

⁶³ Там же, л. 485–487, 498, 67, 68 об., 69.

ми, или же самими приходскими обществами»⁶⁴. В некоторых сёлах землю эту обрабатывали сами прихожане, в других нанимались батраки, которым выдавались семена. В Донской епархии, где ряду попечительств были пожертвованы в собственность участки земли от 50 до 252 десятин, общественные запашки и посевы называли «самым благонадёжным и благоплодным» источником их средств⁶⁵. Суммы, полученные от общественной запашки, регулярно превышали другие доходы попечительств в Оренбургской, Екатеринославской, Харьковской, Херсонской и Тобольской епархиях⁶⁶.

В ряде случаев попечительствам оказывали поддержку светские организации. Так, в Воронежской епархии несколько попечительств получали пожертвования от губернского благотворительного комитета и от дамского комитета Российского общества Красного креста (очевидно, на помощь голодающим). В Саратовской, Херсонской и Екатеринбургской епархиях попечительствам помогали городские думы, земские управы, сельские общества, а также заводууправления (на Урале). В Средней Азии попечительства зачастую вообще не имели собственных средств. Например, Перовское попечительство Туркестанской епархии распоряжалось только теми средствами, которые были пожертвованы на строящийся храм церквами и монастырями других регионов⁶⁷. Изредка попечительствам (к примеру, в Саратовской епархии) предоставлялись отчисления из церковных сумм⁶⁸, но это не приветствовалось ни приходским духовенством, ни епархиальным начальством.

Встречались и довольно неожиданные способы финансирования попечительств. В селе Хотени Калужской губ. было заведено «взимание по 1 руб. с каждого жениха при венчании, вместо того, чтобы угощать односельян водкой, и взимание по 50 коп. с каждого парня и девицы, которые в первый понедельник Великого поста будут производить исстари заведённые шуточные игры»⁶⁹. Венцовые сборы при заключении браков брали в свою пользу и попечительства в Санкт-Петербургской, Харьковской и Подольской епархиях. Помимо этого в Подольской епархии попечительские взносы уплачивались и при крещениях, и при погребениях⁷⁰. Сельские сходы регулярно перечисляли им различные штрафы: за пьянство, семейные ссоры, драки, «безнравственное поведение», мелкое воровство, нарушение святости воскресных и праздничных дней работами (Подольская епархия), за сквернословие (Херсонская епархия), а также за умышленную потраву (Киевская и Подольская епархии). В некоторых местах Киевской епархии им также передавалась выручка от продажи приготавливаемого к храмовому празднику мёда⁷¹. В крупных городах (в частности, Санкт-Петербургской и Екатеринбургской епархий) в пользу попечительств устраивались светские и духовные концерты, спектакли, лотереи, чтения⁷². Решения о прямой поддержке попечительств чаще всего принимали крестьянские сходы, передававшие им доходные статьи или земельные наде-

⁶⁴ Там же, л. 60.

⁶⁵ Там же, л. 99 об.–100.

⁶⁶ Там же, л. 376, 390, 418, 792–808 об., 430 об.

⁶⁷ Там же, л. 460 об.–461, 485–487, 550–551 об., 590–591 об., 792–808 об.

⁶⁸ Там же, л. 485–487.

⁶⁹ Там же, л. 46.

⁷⁰ Там же, л. 221–222 об., 418, 67.

⁷¹ Там же, л. 67 и след., 413, 792–808 об. В Киевской, Херсонской, Подольской епархиях для попечительств устраивалась даже продажа травы и фруктов с церковных погостов и кладбищ.

⁷² Там же, л. 221–222 об., 590–591 об.

лы, принадлежавшие общине, и собиравшие односельчан на общественные работы в их пользу.

Пожалуй, наиболее ярко взаимоотношения крестьянского мира и приходских организаций прослеживаются в материалах, присланных в Синод из Подольской епархии, где попечительства были открыты более чем в 80% приходов. Особенно активно они возникали в 1864–1876 гг. (именно в то время стали действовать $\frac{2}{3}$ из существовавших в 1894 г. попечительств). Главными причинами столь интенсивного распространения попечительств местные священнослужители считали «воспоминание о существовавших в здешнем крае церковно-приходских братствах», а также осознание прихожанами необходимости ремонта храмов, находившихся «в крайне печальном состоянии» во времена «господства польских панов и католической пропаганды»⁷³. Сельские попечительства Подолии по своему составу носили исключительно крестьянский характер, а возглавляли их, как правило, приходские священники или мировые старшины⁷⁴. Впрочем, большинство благочинных, на основании мнений которых и составлялся отзыв епархии, советовали не доверять статистике и утверждали, что многие попечительства действуют только на бумаге⁷⁵. Один из благочинных писал об их членах: «Избранные гордятся пред своими односельцами-прихожанами предоставленным им почётом, любят предстояния в храмах с братскими свечами и председания на общественных обедах, но вся деятельность их почти только тем и ограничивается в приходе. Когда по почину приходских священников, кои большею частью состоят председателями попечительств, дело коснётся каких-либо потребностей местного храма, причтовых помещений, церковно-приходской школы, религиозно-нравственных и материальных в среде беднейших прихожан нужд и потребностей, тогда эти номинальные попечители отделяются или отрицательным молчанием, или заявляют о необходимости составления сельского схода (громады). И затем, когда по поводу таковых приходских потребностей и нужд созывается сход всех прихожан, тогда эти номинальные попечители... нередко становятся даже в оппозицию против священника и благонамеренных своих собратьев»⁷⁶.

Подольские попечительства получали средства от арендных статей (особенно от найма общественных домов под питейные заведения) и использования общественных пашен, лугов и прудов, проценты от продажи питей, в их пользу поступали обязательные взносы прихожан, платившиеся при крещениях, браках и погребениях, штрафы за пьянство, семейные ссоры, драки, «безнравственное поведение», умышленную потраву, мелкое воровство, нарушение святости воскресных и праздничных дней работами, доходы от сбыта мёда с попечительских пасек, травы и фруктов с церковных погостов и кладбищ, камня с принадлежавших сельскому обществу каменоломен, сборы за проезд через мосты и т.д. При этом, как отмечали авторы отчёта, поступления от питейных заведений были наиболее значительны. Расходовались собранные суммы преимущественно на постройку и ремонт церквей⁷⁷. Кстати, передача попечительствам буквально всех этих доходов (за исключением лишь добровольных взносов прихожан) полностью зависела от решения крестьянского

⁷³ Там же, л. 62–62 об, 64–64 об.

⁷⁴ Там же, л. 64 об. 3.

⁷⁵ Там же, л. 76 об.–77 об.

⁷⁶ Там же, л. 63–63 об.

⁷⁷ Там же, л. 67–69.

схода. Как утверждали в своих отзывах благочинные, сами попечительства являлись ни больше, ни меньше как исполнительным органом мира («громады», общества), собиравшим и распределявшим деньги, выделенные на церковные нужды. «По прямому выводу сельского общества, – писал благочинный 6-го Брацлавского округа священник Александр Руданский, – попечительство не должно составлять особое учреждение с самостоятельной деятельностью, а попечители именно есть такие избранные общественные слуги, которые должны пещись, т.е. заботиться, глядеть зорко, чтобы общественная копейка не тратилась по чьему-либо произволу (подразумевая местный причт), а идти только на тот предмет, на который жертвуемые суммы предназначаются “громадой”. Такой предмет – единственно приходская церковь. Довольно только, чтобы священник, он же и председатель попечительства, “не зарядившись” сперва с “громадой”, а по согласию с членами попечительства взял из кассы попечительской один десяток рублей на переделку, например, согнившей крыши на одном из причтовых зданий, чтобы вызвать в приходе бурю. Последний пьяница в приходе, сломанного гроша никогда не давший в попечительскую кассу, и тот осмеливается поднять голос в укор попечителей: “Дай только им в руки гроши, они, батюшкины прихлебатели... за чарку горилки ещё начнут ему, священнику, и возы налаживать на наши гроши”»⁷⁸.

Тесная связь приходских попечительств и крестьянской общины многое объясняет в их истории, включая и временный, «окказиональный» характер деятельности многих из них. Тот же о. Александр, который, по словам своего епархиального архиерея, был «благочинный деятельный, благонамеренный и близко стоящий как приходской священник к крестьянскому народонаселению», описывая действия попечительства в селе, где шло возведение церкви, прямо указывал, что его члены являлись лишь выборными, которым общество поручило хранить собранные деньги и заниматься строительством. Неудивительно, что до этого в течение 22 лет (1870–1892) они распорядились более чем скромными суммами и никак себя не проявляли⁷⁹. В другом селе попечительство также выступало «в простой роли исполнителя воли “громады”»: как только возникала потребность, само общество договаривалось с подрядчиками, а «через руки попечителей» проходил только расчёт с ними. «Так делается и в других приходах, где существует и якобы действует приходское попечительство», – резюмировал благочинный⁸⁰. В других епархиях (в том числе в Архангельской, Воронежской, Костромской, Смоленской, Тверской, Харьковской и др.) верующие также не раз заявляли, что не создают попечительства, решая все приходские дела на сходах, поскольку поддерживают церковь «обычным порядком», а средства на благотворительность перечисляют земству⁸¹.

Всё это убеждало в ненужности данного института. «По моему личному наблюдению, – писал о. Александр Руданский, – приходские попечительства в теперешнем своём виде живые мертвецы и одухотворить их, возбудив к настоящей их жизни... не в состоянии самый энергичный, честный и разумный священник»⁸². Ссылаясь на пример бедного и маленького прихода, где не было

⁷⁸ Там же, л. 74–75.

⁷⁹ Там же, л. 74, 76 об.–77 об.

⁸⁰ Там же, л. 77 об.

⁸¹ Там же, л. 91, 140 об., 147 об.–148, 150 об., 152, 355 об.–356, 416 об., 465 об.–466, 560–561, 562 об.

⁸² Там же, л. 76.

ни доходных статей, ни попечительства, а все церковные нужды покрывались за счёт обязательных платежей, раскладкой которых занимался сход, благочинный отмечал, что здесь «всё идёт хорошо, насколько это возможно для такого малого села»⁸³. «Священник, – утверждал он, – действует на приход не через избранных обществом членов попечительства (куда проскользают часто и лица негодные), а вообще через всех добрых, приверженных к церкви прихожан, кои находятся в каждом селе. Известно, что правильных очередных заседаний членов попечительства не бывает ни в одном приходе, а назрела известная мысль у священника касательно нужд церковно-приходской жизни, он в один из воскресных или праздничных дней по окончании богослужения просит народ задержаться на погосте и по выходе из церкви излагает людям известную намеченную церковно-приходскую нужду, и вопрос целым приходом всесторонне обсуждается и зачастую тут же окончательно решается»⁸⁴.

Пользу от попечительств подольское духовенство видело только в том, что с их помощью были спасены от расхищения и обращены на церковные нужды средства, поступавшие от аренды сельской корчмы, шинка, существовавшего в $\frac{9}{10}$ сёлах Подольской епархии. Шинки везде сдавались в аренду, но сельские власти часто находились в сговоре с корчмарём, тратили деньги бесконтрольно и «с явными хищениями». Там же, где общество отдавало эти деньги попечительству, его члены следили за тем, чтобы плата не занижалась, не разрывывалась, но шла на церковь⁸⁵. «На этом и останавливается услуга приходу попечительства», – свидетельствовал о. Александр⁸⁶.

Впрочем, с 1880-х гг. доход от шинков стал вызывать конфликты между попечительствами и местными сельскими властями, прежде всего волостными правлениями. В то время мировым посредникам и «проводникам их идей и распоряжений волостным писарям» поручалось заботиться о наполнении волостных ссудных банков, или касс, в которых должны были сосредотачиваться «свободные мирские суммы». В результате в волостные кассы стали направлять не только свободные мирские деньги, но и все те доходы, которыми раньше распоряжались попечительства. Более того, увлекшись, у них начали отбирать и их собственные средства, включая пожертвования, а волостные писари уже заговорили на сходах о том, что попечительства «как выдумка духовенства не должны далее и существовать». Часто это вело к свёртыванию или полному прекращению их деятельности. Священники ожидали, что вскоре попечительства «ждёт печальная участь, и все они поистине сделаются только номинальными»⁸⁷. При этом у них были и другие враги, например, «мирские заправилы», «кулаки», «за магарыч» захватывавшие в свои руки доходы села, ранее обеспечивавшие приходские нужды⁸⁸.

Подольские священники явно не знали, что делать с попечительствами и как именно следует преобразовать их устройство. Обобщая мнения местного духовенства, благочинный священник Димитрий Дмитриевский писал: «Одни говорят, что для усиления благотворной деятельности попечительств нужно уничтожить шинки в сёлах, другие, [что] делу поможет возвышение матери-

⁸³ Там же, л. 78 об.–79.

⁸⁴ Там же, л. 77 об.–78 об.

⁸⁵ Там же, л. 75 об.–76.

⁸⁶ Там же, л. 76.

⁸⁷ Там же, л. 66–66 об., 68 об., 69, 71–73.

⁸⁸ Там же, л. 73–73 об.

ального благосостояния прихожан, третьи, что кроме материального благосостояния, нужно ещё религиозно-нравственное направление прихожан, четвёртые, что нужно сочувствие светской власти, пятые, что нужна солидарность по предметам ведения дела духовной и светской властей, иные, что необходимы целесообразные и частые внушения прихожанам со стороны священников, иные, что успех зависит от доброго религиозно-нравственного направления чинов попечительства. Но кроме этих общих соображений... никто из священников ничего не высказал... на практическую почву никто не становится, как будто бесследно прошла тридцатилетняя жизнь церковных попечительств. Да и придумать что-либо, кроме этого, трудно при настоящих условиях церковно-приходской жизни»⁸⁹.

Симптомы тесной зависимости попечительств от крестьянского мира, наблюдавшиеся и в других епархиях, особенно отчётливо проявлялись при их столкновениях с приходскими священниками (часто выносившихся на рассмотрение епархиальных властей) из-за вмешательства прихожан в ведение церковного хозяйства или неправомερных, с точки зрения духовенства, расходов. В некоторых местах Астраханской, Донской, Екатеринославской, Пензенской, Смоленской, Херсонской и других епархий попечительства по своему усмотрению устанавливали таксы за требы, снижая их до минимума, пытались контролировать продажу свечей, отбирая их запас у церковных старост, или даже настаивали на прекращении перечисления средств на духовные учебные заведения и употреблении их на колокола, храм и общественные дела⁹⁰.

Подобные конфликты свидетельствовали о том, что «общество» воспринимало попечительства как элемент не церковной, а собственной – «мирской» или земской – организации. Крестьяне и казаки считали свою церковь принадлежащей общине, а не клиру. Председатели-дворяне, часто, исходя из славянофильских представлений, видевшие в попечительстве основу приходского устройства, также склонны были включать церковное хозяйство в сферу своей компетенции⁹¹.

Но так или иначе, судьба попечительств полностью зависела от благоволения общества. Преосвященные сетовали на то, что назначить обязательный сбор средств в пользу попечительств мог только сельский сход, а его невозможно было созвать или убедить принять соответствующее постановление. Волостные и сельские власти не проявляли к этому интереса, а «без понуждения» с их стороны крестьяне отказывались платить. Добровольные же пожертвования были, как правило, незначительны и к тому же, из-за неравномерного распределения затрат среди односельчан, вызывали ропот и неприязнь даже у тех, кто

⁸⁹ Там же, л. 83с об.

⁹⁰ Там же, л. 2–3, 96 об.–100 об., 145, 152, 425 об.–426, 776 об.–777, 792–808 об. Между тем распоряжаться церковным хозяйством пытались не только попечительства. Так, в 1900–1901 гг. наказной атаман Уральского казачьего войска генерал-майор К.Н. Ставровский, добиваясь «права назначения» попечителей церквей на подчинённой ему территории, вёл официальную переписку с оренбургским епископом, Главным управлением казачьих войск Военного министерства и обер-прокурором Св. Синода. Естественно, эта инициатива была отклонена как епархиальным начальством, так и Синодом. (Там же, л. 873 с об.–874, 876, 878–883, 885).

⁹¹ Там же, л. 96 об. Подобные взгляды выражал, в частности, Д.Ф. Самарин (*Самарин Д. Приход. Ч. 1–2. М., 1867–1868*). Подробнее см.: *Беглов А.Л. Земские проекты переустройства православного прихода в 1860–1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 1(32). С. 172–200.*

поначалу соглашался их делать. Всё это практически исключало активизацию деятельности попечительств⁹².

Некоторые желали, чтобы в день выборов членов попечительств сельский сход определял источники финансирования этого органа, или же предлагали в обязательном порядке ввести в их состав представителей местных гражданских властей (мировых посредников, волостных старшин и др.)⁹³. Вероятно, ожидалось, что это устраним административные противоречия, однако, по сути, реализация подобных предложений окончательно превратила бы попечительства в орган сельского общества. Кроме того, это означало бы, что именно сход и его должностные лица представляют интересы прихода. Одновременно возник бы вопрос о месте и роли церковного старосты, приходского собрания и т.д.⁹⁴

Однако реформировать приход можно было не только путём его отождествления с миром, но и выделяя религиозно активную часть прихожан. Об этом всерьёз размышляли некоторые архиереи и священники⁹⁵. Так, альтернативой попечительствам во многих приходах той же Подольской епархии являлись братства и «общества сестёр». Их члены избирались священником, у них были свои восковые свечи, с которыми братчики стояли на литии и при чтении Евангелия. В этих обществах имелись собственные кружки для сбора пожертвований, их члены раздавали милостыню и устраивали обеды для «нищих прихода», заботились о бедных, больных и беспомощных, о погребении умерших в крайней нищете и т.п.⁹⁶ Священник действительно мог опереться на этих преданных Церкви людей в своей деятельности, тогда как члены попечительства, напротив, были скорее порученцами крестьянского схода. Особая религиозная настроенность от них, в общем-то, и не требовалась.

В целом, деятельность приходских попечительств во второй половине XIX в. разочаровала наиболее вдумчивых священнослужителей⁹⁷. Судя по многочисленным конфликтам, разочарованы были и прихожане. Не оправдались ожидания светской бюрократии, надеявшейся решить проблему материального обеспечения духовенства. К возрождению приходской жизни организация попечительств не привела, и к началу 1890-х гг. их обычно уже не рассматривали как структуру, которая могла бы этому способствовать.

⁹² РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 116, 428 об.–430.

⁹³ Там же, л. 80 об.–82, 87 об.–88.

⁹⁴ Подробнее об их полномочиях см.: *Беглов А.Л.* Законодательство Российской империи о православном приходе... С. 371–388.

⁹⁵ РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 196–196 об., 601–605; *Фудель И.И., свящ.* Основы церковно-приходской жизни. М., 1894; *он же.* К реформе приходских попечительств. М., 1894. См. также: *Беглов А.Л.* Как можно было реформировать православный приход в 1890-е гг.? Епархиальные преосвященные о преобразовании приходских попечительств // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. «История. История Русской Православной Церкви». 2014 (в печати).

⁹⁶ РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 83 об., 85–86 об.

⁹⁷ См, например, отзыв архиепископа Тверского Саввы (Тихомирова): Там же, л. 560–571.